

С

На правах рукописи

БУЛАТОВ Руслан Азатович

**РОЖДАЕМОСТЬ КАК
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**
Специальность 22.00.03. - Экономическая социология и демография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Уфа 2005

Работа выполнена на кафедре социологии и политологии Уфимского государственного авиационного технического университета.

Научный руководитель:

доктор социологических наук, профессор Насибуллин Равиль Талибович.

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор Кузьмин Александр Иванович,
кандидат социологических наук, доцент Бурханова Флюра Булатовна.

Ведущая организация:

Московский государственный университет.

Защита состоится 25 марта 2005 г. 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.288.01 в Уфимском государственном авиационном техническом университете по адресу: 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уфимского государственного технического университета.

Автореферат разослан 24 февраля 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук, профессор

Т.П. Моисеева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования проблем рождаемости как социально-демографического процесса обусловлена обострением противоречия между его динамикой и объективной потребностью общества в воспроизводстве населения, особенностями протекания демографических и социальных процессов на современном этапе развития общества, который характеризуется глубоким демографическим кризисом.

Поскольку рождаемость в значительной степени зависит от величины потребности семьи в детях, в настоящее время актуализируется необходимость поиска эффективных мер по приведению ее в соответствие с объективной потребностью общества в воспроизводстве населения.

Позитивистский характер демографической науки, то, что она основана главным образом на доступных статистическому наблюдению фактах, приводило к игнорированию поведенческой основы демографических процессов, вследствие чего причинное объяснение динамики рождаемости ограничивалось, как правило, выявлением ее структурных детерминант. Если высокий уровень рождаемости населения, отмечавшийся практически на протяжении всей истории человечества, обеспечивал прогностическую точность демографических расчетов, то в условиях низкой рождаемости возрастает значимость альтернативных методик анализа развития населения, основанных на знании динамики показателей репродуктивного поведения.

Проблема низкой рождаемости не нова как в науке, так и в практике социального управления, но при всей схожести общих тенденций в каждом конкретном обществе она отличается своей специфичностью, которая углубляется на уровне региональной дифференциации. Отсюда вытекает необходимость изучения локальных особенностей развития населения как на уровне Российской Федерации, так и на уровне ее региональных единиц.

Несмотря на остроту депопуляции населения в России и признание социальной обусловленности рождаемости, в отечественной социологической литературе существует весьма ограниченное количество монографических работ, специально посвященных исследованию социальных аспектов демографических процессов вообще и рождаемости в частности.

Степень научной разработанности проблемы.

Научные работы по проблемам воспроизводства населения следует структурировать исходя из наличия в демографической теории макро- и микроуровня анализа, а также специфики развития демографии от анализа общих показателей движения населения к познанию его социальной обусловленности.

К макроуровню демографической теории относятся исследования, ориентированные на поиск наиболее общих закономерностей развития населения, которым занимались такие западные демографы как: Дж. Колдуэлл, А. Ландри, Р. Лестейг, Ф. Нотештейн, Л. Омран, А. Сови, А. Холи, и отечественные демографы - А.Г. Вишневский, А.Г. Волков СИ. Голод, М.С. Мацковский. Если в работах перечисленных авторов развивалась концепция демографического перехода, то изучению причин институционального кризиса семьи и его последствий для общества посвящены труды таких западных ученых как: А. Карлсон, У. Филипс, и отечественных - А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.М. Медков, А.Б. Синельников.

Теория «высокого» уровня, будучи целью научного познания развития населения, обнаруживает объективную невозможность объяснения всех аспектов развития демографических процессов. Этим объясняется неудачность многочисленных попыток создания общей схемы развития населения мира, поскольку европоцентричная, по своей сущности, идея одномерного демографического развития не подтвердилась практикой - даже в пределах самой Европы эволюция воспроизводства составляющих ее населений имела свои специфические различия. Несмотря на отмеченный недостаток основные положения макродемографической теории тем не менее задают необходимые ориентиры в познании общих и особенных черт в демографическом развитии мирового населения

В рамках формальной демографии существует множество исследований, посвященных отдельным видам демографических процессов - рождаемости, смертности, миграциям. К ним относятся работы таких авторов, как Б.Ц. Урланис, Л.Е. Дарский, А.Я. Кваша, А.Г. Волков в которых содержится преимущественно демографическое понимание движения населения, поскольку задача социологического объяснения этого явления данными учеными и не ставилась. Изменение одних демографических показателей объясняется здесь через изменение других показателей движения населения, а исследование недемографических факторов ограничивается констатацией прямой связи демографических процессов с социально-экономическими показателями и т.д. В то же время важной заслугой демографов является разработка разнообразных источников знаний о населении, которая в конечном итоге выявила необходимость социологического познания демографических процессов.

Развитие социологической методологии в познании рождаемости осуществлено в работах отечественных ученых А.И. Антонова, В.А. Борисова, В.А.Беловой, В.В. Бойко, Л.Е. Дарского, и зарубежных - Дж. Блейк, К. Бека, К. Дэвиса, Р. Фридмена, Р. Хилла и др.

В работах В.Н. Архангельского, Ф.Б. Бурхановой, Р.А. Галина, А.И. Кузьмина, И.П. Мокерова, Р.Т. Насибуллина, Б.С. Павлова раскрыты локальные особенности развития демографических процессов. На основе местных статистических материалов и данных оригинальных социологических исследований ими выявлены региональные характеристики репродуктивного и брачного поведения населения и развиты некоторые теоретико-методологические положения его изучения.

Изучение статистики мнений о числе детей в семье, как в нашей стране так и за рубежом, создало богатую эмпирическую базу исследования репродуктивного поведения, но оставило неразрешенными ряд теоретических вопросов, касающихся в частности раскрытия социальной сущности репродуктивного поведения. В свою очередь выявление социальных и экономических факторов репродуктивного поведения сводилось, как правило, к прямому сопоставлению числа детей с определенным набором показателей благосостояния и статуса семьи, также не всегда учитывалась взаимосвязь репродуктивного поведения с другими видами демографического поведения.

Объектом исследования является процесс рождаемости населения.

Предметом исследования является социально-демографическое свойство рождаемости как единство множества событий в жизни людей, связанных с рождением детей, интегрирующихся в единый процесс воспроизводства населения.

Цель исследования состоит в выявлении социальных свойств рождаемости и роли социальных факторов в формировании репродуктивного поведения населения.

Достижение указанной цели обусловило постановку и разрешение следующих задач:

1. Охарактеризовать основные теоретические подходы к изучению воспроизводства и репродуктивного поведения населения.
2. Обосновать необходимость изучения демографического процесса рождаемости средствами социологической науки.
3. Раскрыть социальные аспекты развития рождаемости.
4. Выявить основные социальные факторы репродуктивного поведения населения.

Методологической основой диссертационного исследования являются теоретические и методологические принципы основных социологических и демографических учений, общие принципы научного познания.

Теоретической основой исследования являются: социологическая теория рождаемости, в которой развито представление об исторически

изменяющейся потребности в детях (А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.М. Медков); теория демографического перехода, интерпретирующая развитие рождаемости и смертности в рамках процесса модернизации (А.Г. Вишневский, Ф. Нотенштейн, А. Ландри); социологические теории, посвященные проблемам социальных изменений и социальной регуляции поведения личности (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и Т. Парсоне).

Эмпирическую базу исследования составили:

- материалы демографической статистики;
- опубликованная статистическая информация;
- результаты социологического исследования, проведенного на кафедре социологии и политологии Уфимского государственного авиационного технического университета в г. Уфе и в Республике Башкортостан под руководством проф. Р.Т.Насибуллина по проблемам социологического обеспечения управленческих решений по вопросам социального развития г.Уфы и Республики Башкортостан в 2002 году.

В качестве генеральной совокупности было избрано население Республики Башкортостан и г.Уфы. Исследование в Республике Башкортостан (РБ) проводилось на основе многоступенчатой выборки репрезентативной по признакам пола, возраста и национальности, методом анкетного опроса. Нижняя возрастная граница выборки была ограничена 15 годами. Анкета составлялась с учетом существующего опыта социологических исследований репродуктивного поведения и включала вопросы о фактическом, желаемом и ожидаемом числе детей в семье.

Объем выборки для населения РБ составил 996 человек. На первой ступени формирования выборки в социально-экономических зонах РБ были отобраны административные районы. На второй ступени в данных административных районах были выбраны населенные пункты, где осуществлялся непосредственный отбор единиц наблюдения. В городах РБ выбор улицы и дома осуществлялся анкетером самостоятельно. В доме разрешалось посещать каждую четвертую квартиру, где анкетер должен был опросить не более двух человек. В сельской местности поиск респондентов осуществлялся через один жилой дом по улице.

Объем выборки для населения г.Уфы составил 561 человек, в каждом районе города было опрошено примерно равное количество респондентов. В г.Уфе анкетер находил дом, определенный в маршрутном листе, исходя из особенностей застройки микрорайона (многоэтажный, одноэтажный, частный сектор). В многоэтажных домах посещалась каждая четвертая квартира, в которой опрашивалось не более 2 человек; в частном секторе поиск респондентов осуществлялся через один жилой дом по улице.

Диссертационное исследование привело к следующим результатам, содержащим, по мнению автора, элементы **научной новизны**, которые и выносятся на защиту:

1) обоснована интегрирующая функция социологии в процессе развития теоретических знаний о рождаемости, которая позволяет рассмотреть всю совокупность обуславливающих ее факторов как целостное образование, системообразующим началом которого является субъект социального действия, то есть личность;

2) раскрыто социальное свойство демографического процесса, которое проявляет себя двояким образом: с одной стороны, развитие демографической структуры населения выступает естественной основой развития социальной структуры общества и, с другой, однонаправленность и закономерность демографических процессов обуславливается ориентированным на социальные нормы и ценности поведением социальных субъектов;

3) уточнена дефиниция «социально-демографический процесс» как обусловленная развитием социальной структуры и ценностно-нормативной системой общества трансформация демографической структуры населения и изменение в его численности;

4) уточнена дефиниция «социальный фактор репродуктивного поведения» как обусловленная социальными ценностями и нормами исторически изменчивая форма взаимодействия личности и общества, опосредующая рождение детей;

5) раскрыты ценностно-нормативные аспекты регуляции репродуктивного поведения с точки зрения теории социального действия, которые заключаются в том, что обзаведение определенным числом детей является результатом ценностно-ориентированной деятельности семьи, в рамках которого осуществляется рационализация ее репродуктивного цикла;

6) выявлены некоторые взаимосвязи репродуктивного поведения населения с социально-экономическими условиями на современном этапе развития, которые проявляются:

в обратной связи между оценкой реальных доходов респондентов и числом имеющих у них детей;

в тендерной дифференциации репродуктивных ориентаций респондентов, которая раскрывается в том, что большинство женщин придерживается малодетной формы репродуктивного поведения;

- в сближении показателей репродуктивных ориентаций у социальных групп, дифференцированных по критериям дохода, образования, социально-территориальной принадлежности;

Обоснованность и достоверность научных положений, результатов и выводов, содержащихся в диссертационной работе, основывается на:

- корректном использовании логических методов познания, общих социологических понятий, социологических методов сбора и анализа данных;

- достижениях основных (теория социального факта и концепция общественного разделения труда Э. Дюркгейма, теория социального действия М. Вебера, структурный функционализм Т. Парсонса), и отраслевых социологических теорий (социология и демография семьи, социология рождаемости А.И. Антонова, В.А. Борисова и др.);

- опыте проведения социологических исследований репродуктивного поведения в России и за рубежом и репрезентативности социологического исследования репродуктивного поведения населения РБ и г.Уфы при непосредственном участии соискателя.

Теоретическая значимость исследования. Результаты и выводы диссертационного исследования расширяют представление о социальной сущности процесса рождаемости и обусловленности репродуктивного поведения населения комплексом социально-экономических и демографических условий. Исследование содержит теоретический и практический материал, способствующий приращению знаний в области социальной демографии и социологии рождаемости и может быть использован в процессе развития теории репродуктивного поведения.

Практическая значимость исследования.

Выводы и практические рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы при разработке рекомендаций в органы управления, а также в процессе преподавания учебных курсов по демографии, социальной демографии и социологии, и в разработке спецкурсов и учебных пособий.

Апробация результатов исследования. Основные научные результаты и выводы исследования отражены в пяти публикациях в центральных и межрегиональных научных изданиях. О результатах исследования докладывалось на Международной научной конференции, посвященной памяти Н.А. Аитова, «Социология в меняющемся социуме» (2002); на Межрегиональной научно-практической конференции «Благополучие молодой семьи: опыт, проблемы, перспективы»;

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений. Общий объем диссертации составляет 238 с.

Основное содержание работы

Во введении диссертации обосновывается актуальность и практическая значимость темы исследования, формулируются цели и задачи, определяется степень научной разработанности проблемы, приводятся выносимые на защиту положения, раскрывается их научная новизна.

В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения рождаемости» характеризуются основные теоретические подходы к изучению демографических процессов, раскрываются основные методологические принципы демографического анализа и обосновывается необходимость применения социологических методов в познании рождаемости.

В первом параграфе «Теоретические подходы к изучению демографических процессов» раскрываются теоретико-методологические основы изучения особенностей развития демографических процессов.

Преимущественно эмпирический характер демографии обуславливает необходимость теоретической разработки ряда понятий, среди которых особое место занимает понятие «демографический процесс». В представлении демографического процесса как последовательности демографических событий (таких как рождение, смерть, брак и миграция) отражается само изменение или движение населения, но не учитывается аспект его развития. В этой связи в диссертации обосновывается вывод о том, что в приведенном понятии развито представление о циклическом характере демографического процесса, когда численность и половозрастная структура населения остаются в определенных границах, не претерпевая существенных изменений. В таком случае глубокая трансформация демографической структуры составляет содержание развивающегося демографического процесса.

Изучение специальной литературы, посвященной вопросам воспроизводства населения и закономерностей развития демографических процессов, позволило выявить и охарактеризовать основные теоретические подходы к их изучению.

Статистически описательный характер исследования населения, основанный на искусственном отделении демографических процессов от их социально-экономических основ, присущ формально-демографическому подходу. Если в условиях высокой рождаемости методолого-методический аппарат демографического анализа был достаточно эффективным для построения как перспективных, так и ретроспективных моделей развития населения, то глобальный сдвиг в демографическом развитии человечества и переход населений индустриально развитых стран к суженному типу

воспроизводства актуализировали проблему своего научного объяснения. Таким образом было положено начало теоретической демографии, в рамках которой сформировалось несколько самостоятельных направлений.

На основе эволюционистской парадигмы свое развитие получили концепции демографического перехода и модернизации, которые дали качественную оценку развитию населения как исторической смены типов его воспроизводства. Хотя в качестве причин такой смены и были названы индустриализация и урбанизация, однако сам механизм детерминации демографических процессов социально-экономическими условиями остался не выясненным.

Продолжением эволюционистской линии в отечественной теоретической демографии является концепция модернизации (СИ. Голод, МС. Мацковский, А.Г. Вишневецкий, А.Г. Волков). Несмотря на критику «ходячей идеи эволюции» теория «демографической революции» А.Г. Вишневецкого по своему содержанию остается эволюционистской. Институциональный кризис современной семьи, неисполнение ею репродуктивной и социализаторской функций рассматривается здесь как естественный результат модернизации общества, а невозможность преодоления данного кризиса средствами демографической политики основано на таком допущении, согласно которому личность, «зная» о глобальных тенденциях и целях демографического развития, будет адаптироваться к ним вопреки любому вмешательству извне.

Это положение, на наш взгляд, является результатом ошибочного представления о том, что поведение индивидов непосредственно обуславливается развитием объективных социальных процессов, но как известно, качество социальной системы несводимо к составляющим ее элементам, это значит, что взаимосвязь между объективными закономерностями общественного развития и поведением личности следует рассматривать с точки зрения их опосредованного характера.

В основание механизма эволюционного развития населения полагается свойство гомеостаза сложных систем, на основе которого снижение рождаемости представляется как естественный результат падения смертности. Однако, несмотря на то, что снижение рождаемости в индустриально развитых странах действительно происходило вслед за падением смертности, эти явления обуславливались причинами различного порядка: существенное снижение смертности было достигнуто посредством устранения ее экзогенных причин (эпидемии, болезни), в то время как снижение рождаемости произошло вследствие трансформации репродуктивного поведения личности и семьи. Необходимо отметить и то, что наряду со способностью к саморегуляции социальным системам, и

только им, присуща способность к целеполаганию, основным проводником которой является управляющая подсистема общества.

Возможность целенаправленного воздействия на демографическую подсистему общества учтена в факторном подходе (Б.Ц. Урланис, О.В. Лармин, П.Г. Подьячих,). Согласно данному подходу эффективное стимулирование рождаемости должно основываться на знании об определяющих ее факторах. Однако перечень и классификация таких факторов не позволила выявить объективные причины и социально-психологические механизмы снижения рождаемости.

Отказ от позитивистской и биологической интерпретации рождаемости и признание ее поведенческой обусловленности лежат в основе социально-психологического и экономического подходов к объяснению рождаемости. С точки зрения психологического подхода потребность в детях представляет собой свойство личности, способствующее ее стремлению к обзаведению детьми. Однако, в таком случае на первый план выходят индивидуальные особенности личности и не раскрывается значение социальных ценностей и норм в формировании массового репродуктивного поведения.

С точки зрения экономического подхода репродуктивное поведение представляется результатом рационального расчета, а дети рассматриваются как специфический товар, спрос на который зависит от стоимости его содержания. Однако представляется очевидным, что детей нельзя отнести к категории товаров на том основании, что если последние произведены для рыночного обмена, то первых «производят» для себя, удовлетворяя таким образом социально обусловленную потребность в детях. Даже если признать сугубо рациональную природу репродуктивного поведения, то несомненно убыточное ныне деторождение прекратилось бы вовсе.

Преодоление недостатков социально-психологического и экономического подходов к объяснению рождаемости возможно на основе социологического подхода, в рамках которого репродуктивное поведение изучается как социальное явление, как результат влияния на него социальной действительности, что, в свою очередь, позволяет рассмотреть биологические, демографические, социально-психологические и экономические факторы рождаемости и репродуктивного поведения с точки зрения их общественного значения. Таким образом, раскрывается интегрирующая функция социологии, позволяющая преодолеть одномерные взгляды на репродуктивное поведение.

Для изучения репродуктивного поведения как специфического результата социального взаимодействия наиболее плодотворными являются теоретические положения школы институционального кризиса семьи и исторического уменьшения потребности в детях (А.И. Антонов, В.А.

Борисов, В.М. Медков, А.Б. Синельников и др.), согласно которым историческое снижение потребности в детях обусловлено отмиранием экономической функции семьи, снижением ее ценности на уровне личности и общим ценностно-нормативным кризисом общества.

Потребность в детях, с точки зрения данного подхода, представляет собой свойство социализированного индивида, сила и количественная определенность которой влияет на оценку социально-экономических условий ее удовлетворения. Также важное значение здесь придается уровню притязаний личности, который позволяет раскрыть взаимосвязь репродуктивной потребности в детях и ожиданий личности относительно своего продвижения в социальной иерархии.

Представление о постоянно высокой потребности в детях в данной концепции заменяется количественно определенной репродуктивной потребностью, что позволяет измерить ее посредством вопросов об ожидаемом (то есть конечном) числе детей в семье. В то же время подобная методика не работает при изучении репродуктивных ориентаций населения слаборазвитых стран с высоким уровнем смертности ввиду наличия существенной разницы между числом родившихся и выживших детей, которая, очевидно, затрудняет планирование окончательного размера семьи. Следовательно, теоретические положения, выработанные в рамках «кризисной парадигмы» больше применимы для объяснения рождаемости в индустриально развитых обществах, чем в обществах с преимущественно аграрным укладом экономики.

Социологическое обогащение понятия «демографический процесс» основывается на уточнении понятия социально-демографический процесс». Поскольку в научной литературе имеет место абсолютизация биологической основы воспроизводства населения, которое представляется в таком случае как процесс размножения и гибели людей, необходимо принять во внимание тот факт, что демографические процессы подчиняются не имманентным законам саморазвития, а в контексте социальных отношений и на основе достигнутого уровня общественного развития. Тогда социально-демографическим процессом следует называть обусловленную ценностно-нормативной системой общества совокупность однопавленных и повторяющихся действий социальных субъектов, опосредующих наступление всех видов демографических событий.

Во втором параграфе «Социологическая парадигма в теории рождаемости» раскрывается взаимосвязь социальных и демографических процессов и обосновывается социальная сущность рождаемости и характеризуются методы ее социологического исследования.

Социологическое познание рождаемости требует раскрытия ее сущности как социального процесса. В то же время содержательное определение «социального» сопряжено с определенными трудностями, поскольку даже в специальной социологической литературе она редко встречается в «чистом виде» и чаще используется для обозначения свойства каких-либо явлений и процессов. Способ разрешения данного вопроса определяет различие между социальной демографией и демографическим детерминизмом.

Если концепция социального детерминизма основана на таком ошибочном допущении, что общественное развитие обусловлено каким-либо одним фактором, то концепция демографического детерминизма рассматривает в качестве такого численный рост населения. Таким образом, социальное, в рамках детерминистских концепций, лишается своей качественной определенности, теряет самостоятельное значение.

Непринятие редукционистских моделей развития населения в познании рождаемости предполагает раскрытие ее социальных свойств. Наиболее последовательное обоснование онтологического статуса социального, как реальности «особого рода» было осуществлено Э. Дюркгеймом. Однако его социологическая интерпретация роста плотности населения привела к игнорированию экономической основы развития демографических процессов.

Следует отметить, что отечественная демография советского периода развивалась в рамках марксистской теории и была таким образом ориентирована на открытие непреложных законов развития населения в условиях социализма. Однако даже столь часто цитируемое положение Маркса о том, что: «...рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»¹, которое возведено в ранг закона населения при капиталистическом способе производства, в действительности представляется определением оптимума населения с точки зрения экономической целесообразности.

Поскольку демографический переход был непосредственно связан с генезисом западной модели капиталистической системы, то важное значение, с точки зрения эволюции исторического типа семейных отношений, приобретает разработанная К. Марксом теория возникновения и развития капитализма: первоначальное накопление в сельском хозяйстве начиналось с экспроприации земли у сельскохозяйственных производителей, что привело к появлению в социальной структуре населения новых слоев — рантье, арендаторов и наемных сельскохозяйственных рабочих, а семья,

¹Маркс К. Капитал. Критика политической экономии Т1 - М., 1983,-VI., с. 645

оказавшись в совершенно новых социально-экономических условиях, постепенно трансформировалась из расширенной и многодетной в нуклеарную и малодетную.

Если в концепции Маркса были раскрыты объективные социально-экономические причины трансформации традиционной семьи, то ее внутренний социально-психологический механизм был детально описан в рамках теории семейных изменений.

Утрата семьей функций производительной ячейки общества обусловила выведение из нее комплекса «работа-роль» и, в конечном итоге, привела к падению престижа семьи, ее ценности для личности. Однако не только семья претерпела значительные изменения - итогом исторического развития стала перестройка всей системы общественных ценностей, среди которых наибольший приоритет получили ценности внесемейной реализации личности.

Известно также, что социальные ценности являются системообразующим началом сложнейшей структуры человеческого поведения. В этой связи семья и дети, как общественные ценности, организуют вокруг себя систему норм и непосредственных регуляторов поведения личности - потребностей, установок и мотивов.

Эмпирическое исследование потребности в детях осуществляется посредством измерения репродуктивных установок. Понятие «установка» используемое в социологии рождаемости, было заимствовано из психологической науки, где оно использовалось, между тем, для своих специфических целей. Недопустимость прямого переноса психологической методологии в социологические исследования обусловлено тем, что психология, как наука экспериментальная, непосредственно изучает поведенческие реакции на основе полученных в лабораторных условиях эмпирических фактов. В то в же время всеми признается трудность, а зачастую и невозможность проведения экспериментального исследования в социологии и экстраполяции полученных данных на реальную жизнь общества.

Согласно психологической школе Д.Н. Узнадзе понятие «установка» отражает развитие психического от сознательного уровня к бессознательному. В процессе многочисленных психологических экспериментов было доказано, что многократно повторенное определение ситуации преобразуется в устойчивое и неосознаваемое отношение или фиксированную установку.

В свою очередь, в социологии рождаемости понятие фиксированной установки определяет устойчивое (читай - неосознанное) отношение к определенным фазам репродуктивного цикла, в следствии чего возникает

вопрос об обоснованности отнесения репродуктивных установок к области бессознательного. На наш взгляд, психологическое понятие «фиксированная установка» пересекается с социологическим понятием «шаблонных знаний», наличие которых необходимо для эффективного исполнения множества рутинных действий, совершаемых индивидом в повседневной жизни. Такие, доведенные до автоматизма, действия не требуют какой бы то ни было рефлексии и оставляют сознанию разрешение более сложных проблем.

В теоретической демографии существует положение о росте сознательности личности в вопросах, касающихся выбора своей демографической судьбы. Однако, признавая возросшую значимость рационального в поведении личности, в отношении репродуктивного поведения следует говорить только о рационализации внутрисемейного регулирования рождаемости, в рамках социально фиксированной малолетней репродуктивной установки.

Изучение репродуктивных установок в социологии рождаемости осуществляется посредством вопросов в инструментарии об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье. Наибольшее число споров вызывает интерпретация ответов на вопрос об идеальном числе детей в семье, в связи с чем мы полагаем, что ответы на данный вопрос скорее являются своеобразным результатом общественной дискуссии относительно должного размера семьи, чем отражением социальной нормы детности. Полагается, что ответы на вопрос о желаемом числе детей раскрывают полную репродуктивную потребность личности вне зависимости от каких либо материальных ограничений, а ответы об ожидаемом числе детей уточняют репродуктивные планы семьи с учетом сложившихся жизненных условий. На основе данных опроса жителей г. Уфы были выявлены некоторые характеристики репродуктивных установок (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по желаемому и ожидаемому числу детей, %

Доля респондентов назвавших желаемое число детей					Средние
0	1	2	3 и более	Затруднились ответить	
1,8	6,3	54,8	29,2	7,9	2,2
Доля респондентов назвавших ожидаемое число детей					Средние
5,5	29,5	45,1	11,8	8,1	

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что показатель среднего желаемого числа детей несколько выше среднего ожидаемого числа детей. Незначительная разница между этими средними величинами позволяет говорить как о широкой распространенности потребности в двух детях, так и том, что репродуктивные планы семей вполне гармонично сочетаются с их малолетним образом мыслей. В свою очередь, дифференциация репродуктивных ориентаций респондентов по предпочитаемым числам детей показала, что значительная часть респондентов, при наличии необходимых условий, обзавелась бы двумя детьми. В то же время, реально ожидаемое число детей, которое предполагает учет наличных жизненных условий, значительно смещено к однодетной модели семьи. Выявленные зависимости, с одной стороны, свидетельствуют о неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране, а с другой, являются закономерным следствием кризиса семьи как социального института.

По сравнению с репродуктивными установками наиболее осознанными являются репродуктивные мотивы, в которых раскрывается личностный смысл деторождения. Необходимо отметить, что различие мотивов деторождения и мотивов отказа от него соответствует различению ценностей и «антиценностей» наличия определенного числа детей в семье.

Данные, полученные в ходе социологического исследования репродуктивного поведения населения г. Уфы, позволяют говорить о некоторых особенностях мотивации отказа от рождения ребенка. Мнения респондентов, отметивших, что они удовлетворены имеющимся у них количеством детей, не учитывались.

В целом, следует отметить превалирование экономических мотивов отказа от деторождения над психологическими, которое особенно ощутимо в группе однодетных респондентов. Интересно также и то, что «желание пожить для себя» изъявляют в основном бездетные респонденты, тогда как респонденты с детьми на него практически не ссылаются. Уровень обеспеченности жильем прямо обуславливает мотивы отказа от рождения ребенка в связи с жилищными проблемами. Так, в категории наименее обеспеченных в этом плане респондентов (до 8 кв. м. на чел.) на данный мотив ссылаются 43,8% из числа опрошенных, а в категории обеспеченных жильем (от 15,1 до 18 кв. м. на чел.) только 12,3%.

Взаимосвязь мотивации отказа от деторождения по материальным соображениям с подушевым доходом не настолько однозначна, как в ситуации с жилищной обеспеченностью.

Респонденты с наименьшим подушевым доходом в 450 руб. реже ссылаются на мотив «материальных трудностей» по сравнению с более

обеспеченной группой имеющих от 451 до 1350 руб. на одного члена семьи. После отметки в 1350 руб происходит существенное снижение значимости этого мотива, хотя следует отметить некоторое его повышение в группе с максимальным доходом. С позиций теории А.И. Антонова и его школы такое распределение объясняется наличием у групп со средними доходами существенного разрыва между уровнем потребностей и возможностями их удовлетворения, которые, в свою очередь, обуславливают высокие социальные притязания и низкую оценку наличных условий удовлетворения потребностей в детях.

Во второй главе «Проблемы изучения дифференциальной рождаемости» определяется место и роль социальных факторов в формировании репродуктивного поведения человека.

В первом параграфе «Репродуктивное поведение населения в системе социально-демографических процессов» делается вывод о том, что если в условиях неконтролируемой рождаемости колебания ее уровня в основном зависят от факторов демографической структуры, то в условиях низкой рождаемости значительно увеличивается роль ее поведенческих факторов. Для оценки вклада поведенческих и структурных факторов в итоговый уровень рождаемости в настоящем исследовании использовался показатель гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР), разработанный отечественным демографом В.А. Борисовым, который позволяет оценить вклад структурных и поведенческих факторов в уровень рождаемости и выявить таким образом степень ее внутрисемейного ограничения. На основе анализа общих и специальных коэффициентов рождаемости по РБ было выявлено, что при относительно низкой доле женщин фертильного возраста в сельском населении, оно, за счет более высокой своей детности, вносит больший вклад совокупную рождаемость республики. В свою очередь, расчет ГМЕР для Башкортостана на начало 2002 года показал наличие значительного потенциала воспроизводства населения в республике, который задействуется только на 19,5 %, а дифференциация ГМЕР по социально-территориальному признаку подтвердила, что городские семьи в большей степени контролируют свою рождаемость, чем сельские.

Взаимосвязь демографической и социальной структур, с одной стороны, и обусловленность рождаемости поведением личности и семьи, с другой, определяет возможность выхода на качественно новый уровень эмпирических данных, которые фиксируют непосредственно мнения людей по поводу предпочитаемого числа детей в семье и обеспечивают социологическое изучение репродуктивного поведения.

Следует отметить, что наряду с понятием «репродуктивное поведение» в отечественной демографии имеют место схожие по смыслу понятия «прокреативное» и «генеративное» поведения. Несмотря на некоторые содержательные отличия, используются они достаточно редко и, как правило, в целях подчеркивания самобытности какой-либо авторской теории. Также существует понятие «демографическое поведение», которое по определению шире репродуктивного поведения, и охватывает все демографически значимые действия индивидов. Но в научной литературе оно либо отражает поведенческую основу демографических процессов вообще, либо определяет поведение семьи в области деторождения. Очевидно, что первое значение этого понятия является чрезмерно размытым и не может найти себе эмпирического применения, а второе совпадает с содержанием понятия «репродуктивное поведение». В силу сказанного в настоящем исследовании применяется утвердившийся термин «репродуктивное поведение», «как системы действий и отношений опосредующих рождение определенного числа детей в семье, в браке или вне брака»².

Если в основании поведения вообще лежит потребность, то в основании репродуктивного поведения лежит потребность в детях. Вопрос о природе и специфике данной потребности в социологической теории рождаемости остается дискуссионным. Так, ввиду сохранения высоких показателей рождаемости в течение длительного времени и естественности самого процесса деторождения, основой репродуктивного поведения долгое время считали материнский инстинкт или инстинкт размножения. Однако даже у животных само наличие материнского инстинкта ставится под сомнение - чем выше ступень эволюционного развития животного, тем большим становится значение опыта в формировании эффективного материнского поведения; в свою очередь, инстинкт размножения у человека подменяет собой половую потребность, удовлетворение которой в обществе всегда являлось объектом социального контроля и регулировалось социальными нормами.

Признание социально-психологической сущности репродуктивной потребности до конца не проясняет ее места в триаде органических, психологических и социальных потребностей человека. Половая потребность, как и любая другая биологическая потребность человека удовлетворяется посредством его включения в определенные формы социального взаимодействия. Такие формы, в свою очередь, при условии что они отвечают эффективному функционированию общества, порождают новый уровень социальных потребностей, направленных на поддержание

² Ангонов А. И. Социология рождаемости. М, 1980. С. 123

самых этих форм, что на уровне половой потребности воплотилось в институт семьи. В условиях объективно необходимой из-за высокой смертности высокой рождаемости, половая потребность выступала в качестве ресурса института семьи, поскольку семья представляла практически единственную легитимную форму сексуальных отношений. Следовательно, половая потребность как потребность биологического свойства, была важным фактором репродуктивного и брачного поведения.

Представление о чисто психологическом качестве репродуктивной потребности не имеет под собой достаточных оснований, поскольку само вычленение отдельной психологической потребности представляется проблематичным. Так, ввиду того, что «психическое» полностью заполняет предмет психологической науки, то данный вид потребностей в ней не квалифицируется. В то же время, в социологии психические потребности предстают в виде перечня потребностей включения личности в различные формы социального взаимодействия (потребность в признании, уважении и т.д.), что возводит их в ранг социальных потребностей, но выраженных на индивидуальном уровне. Другими словами, говорить об отдельно взятой психологической потребности в данном случае неуместно, поскольку всякая активность личности по своему содержанию это всегда психическая активность, независимо от того, удовлетворяются ли таким образом ее социальные или органические потребности.

Ввиду того, что принятое в научной литературе понятие демографического поведения в сущности отражает систему видов демографического поведения, а рождаемость играет определяющую роль в воспроизводстве населения, то существующие виды демографического поведения (брачное, миграционное и самосохранительное) должны быть рассмотрены относительно своего влияния на репродуктивное поведение, которое таким образом ложится в основу системы социально-демографических процессов. Следует отметить однако, что брачное, миграционное и самосохранительное поведения отнесены к демографическим не по причине их связанности с репродуктивным поведением, как полагает например А.Г.Вишневский, (репродуктивное поведение как раз таки чаще анализируется сквозь призму недемографического поведения), а по причине их прямого влияния на численность и половозрастную структуру населения.

Взаимосвязь структурных элементов в системе демографических видов поведения может носить как объективный, так и субъективный характер. Так в связи с тем, что большинство рождений происходит в браке необходимо отметить слитность брачного и репродуктивного поведения, которая

обеспечивается на уровне института семьи. На основе такой слитности возникает взаимосвязь половозрастной структуры населения, рождаемости и репродуктивного поведения. Так, сверхсмертность мужчин в период Великой Отечественной войны деформировала поло-возрастную структуру населения нашей страны, что обусловило также и падение рождаемости. В связи с низкими для того периода вероятностями вступления в брак многие рождения были отложены, а у части населения потребность в детях так и не смогла удовлетвориться полностью. На субъективном уровне взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения отражается в зависимости репродуктивных установок от состояния брачных отношений (см. табл. 2). Так, 65 % из тех, кто ожидает трех детей в семье, никогда не задумываются о разводе, и только 9 % из тех, кто постоянно думает о разводе, собираются «завести» второго ребенка. Если учитывать фактическое число детей в семье, то ожидаемое число детей у респондентов, постоянно думающих о разводе, практически совпадает с достигнутым, тогда как 65% «трехдетных» респондентов отметили, что «никогда не д>мают о разводе», что свидетельствует о наличии тесной взаимозависимости уровня детности и состояния брачных отношений.

Таблица 2

Ожидаемое число детей в зависимости от оценки брачных отношений

Посещают ли Вас мысли о разводе?	Ожидаемое число детей		
	1	2	3 и более
Никогда	33,8%	54,6%	65,0%
Несколько раз за минувший год	53,8%	36,4%	25,0%
Постоянно	12,4%	9%	10,0%

Миграционная подвижность населения оказывает значимое влияние на рождаемость и репродуктивное поведение. На объективном уровне это влияние осуществляется через брачность. Например, в сельском населении из-за избыточной эмиграции женщин брачные шансы мужчин, проживающих здесь, оказываются меньше, чем у мужчин, проживающих в городе, вследствие чего даже при наличии высокой репродуктивной потребности ее

удовлетворение может быть ограничено объективными демографическими условиями.

Взаимосвязь репродуктивного и миграционного поведения обусловлена особенностями репродуктивного поведения мигрантов. Согласно данным опроса населения, недавно прибывшие в город сельские жители демонстрируют меньшее среднее ожидаемое число детей, по сравнению с коренными жителями города, что, вероятно, связано с особенностями адаптационного периода переселенцев, когда условия удовлетворения потребности в детях оцениваются как неудовлетворительные. В то же время среднее желаемое число детей у бывших сельских жителей, которые прожили в городе от 4 до 10 лет, выше чем у горожан - 2,6 и 2,1 ребенка, соответственно, и это при том, что среднее ожидаемое число детей в данных категориях отличается не на много (2,1 у коренных горожан и 2,2 у приезжих из сельской местности). В данном случае, с одной стороны, проявляет себя инерция более высоких норм детности, характерная для жителей сельских социально-территориальных общностей, а с другой, влияние большого города, на актуальные репродуктивные планы «некоренных» семей. Ввиду того, что миграции происходят между социально-территориальными общностями, возникает необходимость обращения к особенностям репродуктивного поведения проживающих там семей, что обуславливает выход за рамки демографического анализа. Таким образом, миграция, как важный фактор демографического развития населения, влечет за собой серьезные социальные последствия детерминирующие в том числе, и репродуктивное поведение семьи.

Взаимосвязь репродуктивного и самосохранительного поведения обусловлена биологической ограниченностью репродуктивного периода жизни женщины, когда знание о вероятности тяжелого протекания поздней беременности (особенно если это первая беременность), влияет на принятие репродуктивных решений. Обуславливать данные решения может и известная опасность для здоровья женщины абортов и некоторых средств контрацепции.

Также были выявлены тендерные различия в ожидаемых числах детей: женщины больше ориентированы на минимизацию протогенетического интервала (период между вступлением в брак и рождением первого ребенка) и демонстрируют меньшие числа желаемых детей, а мужчины в среднем больше настроены на отсрочку первого рождения, но с большей готовностью ожидают третьего ребенка в семье.

Во втором параграфе «Социальные факторы репродуктивного поведения населения» характеризуется место социальных факторов в формировании репродуктивного поведения.

Существование социальной дифференциации рождаемости было отмечено еще задолго до развития системы статистического учета населения. Если социальная дифференциация смертности не противоречит здравому смыслу (бедные умирают раньше и чаще богатых), то противопоставленность ему аналогичных показателей рождаемости (люди, имеющие наилучшие материальные условия, обзаводятся наименьшим числом детей), вошла в демографическую научную литературу под названием «парадокса обратной связи». При этом, если обратная связь дохода и детности при ближайшем рассмотрении считается необычной, то связь числа детей с другими социально значимыми признаками принимается как данность - мало кого удивляет тот факт, что в католических семьях детей больше, чем в протестантских, а в русских - меньше, чем, например, в узбекских.

Принимая доход в качестве индикатора условий жизни, мы сопоставили их с субъективными оценками респондентов, что, по нашему мнению, поможет прояснить характер взаимосвязи оценок условий жизни и репродуктивного поведения семей.

Попавшие в выборочную совокупность респонденты разделились на четыре доходные группы: до 1350 руб. в месяц, 1351-2700 руб., 2701-4050 руб. и от 4051 руб. в месяц и выше. Удельный вес в выборке каждой из них в целом отражает пирамидальный характер социальной структуры российского общества, в основании которой находится самая многочисленная группа с доходом ниже 1350 руб. в месяц (38,3%), а за ней следуют группы с более высокими доходами от 1351-2700 руб. (30,1%), 2701-4050 руб. (18,8 %) и свыше 4051 руб. (12,8%).

Субъективная оценка личного дохода далека от объективности, основанной на принятых научных критериях. Так, 13,3 % респондентов с доходом ниже 1350 рублей оценивают его как «средний», 15,4 % из тех кто зарабатывает выше 4051 рублей определяют его как «ниже среднего», 7,7% респондентов той же группы вообще как «низкий». Таким образом, ранжирование оценок доходов не определяется напрямую величиной заработка, а выявляется в процессе социального взаимодействия в рамках стратификационной структуры.

Взаимосвязь фактической детности и дохода на одного члена семьи носит характер обратной связи: семьи с доходом на одного своего члена меньше 450 рублей в среднем имеют 1,9 ребенка, а семьи с доходом выше 2251 рублей на одного человека имеют только 1,4 ребенка. В свою очередь распределение фактических чисел детей в зависимости от личных доходов выявило две однородные группы: первая группа с низкими доходами менее 1350 и от 1350 до 2700 имеет в среднем 1,7 ребенка в семье, и вторая, более

высокодоходная группа, с доходами от 2701-4050, и свыше 4051 рублей в среднем имеет 1,5 ребенка. Показатель среднего ожидаемого числа детей в семье только в самой низкой доходной группе принимает значение 2,1 ребенка, во всех остальных группах он равен 1,9 ребенка, а показатель желаемого числа детей во всех без исключения группах в среднем составляет 2,2 ребенка (см. табл. 3).

Взаимосвязь средних ожидаемых и желаемых чисел детей с оценкой респондентами своих личных доходов также имеет обратный характер.

Таким образом, на уровне субъективных оценок материального положения однодетными семьями проявляется обратная связь между ожидаемым числом детей в семье и высотой оценки собственного материального благополучия.

Пространственное размещение населения оказывает существенное влияние на дифференциацию показателей рождаемости, которое определяется репродуктивным поведением семей в различных социально-территориальных общностях.

Среднее ожидаемое и желаемое число детей в семье в зависимости от личного дохода респондентов

Таблица 3

Личный доход	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей
До 1350 руб.	2,1	2,2
От 1350 до 2700 руб.	1,9	2,2
От 2701 до 4050 руб.	1,9	2,2
От 4051 руб. и выше	1,9	2,2

Сравнивая социально-демографические процессы в городе и на селе важно отметить две актуальные тенденции их развития: первая связана с резким падением рождаемости в городе, которое обусловлено переходом городских семей к одно-двух детности; вторая, с постепенным спадом рождаемости и у сельского населения. Если численность городского населения РБ в период 1959 по 2002 гг. выросла с 1273 тыс.ч. до 2678 тыс. чел., то сельское население напротив сократилось за то же время, на полмиллиона человек - с 2061 тыс. чел. до 1431 тыс. чел. Отсюда сельское население выступает в роли внешнего демографического ресурса города, который поддерживает свою численность целиком за счет иммиграции. Однако и этот ресурс уже близок к своему истощению.

Так как Башкортостан является многонациональным регионом, то несомненный интерес представляют этнические аспекты демографических

процессов. Дифференциация рождаемости по национальному признаку, как правило, объясняется традициями, экономическим укладом, религиозными особенностями того или иного этноса. Однако в РБ на различие суммарных показателей рождаемости у таких доминирующих здесь этносов как русские, башкиры и татары влияет особенности их территориального размещения. Так, согласно данным статистики, 58 % башкир проживает в сельской местности, где рождаемость всегда выше, чем в городе, в то же время городское население, для которого характерна низкая рождаемость, на 83% состоит из представителей русской национальности.

Ограничиваясь статистикой репродуктивных мнений городского населения мы исключили влияние особенностей социально-территориального расселения этносов республики. В этом случае распределение ответов респондентов об ожидаемом числе детей в зависимости от национальной принадлежности выявило более высокие репродуктивные предпочтения у башкир. По данным опроса населения города Уфы среднее желаемое число детей у башкир составляет 2,6 ребенка, тогда как у русских и татар этот показатель равен 2,2. В свою очередь, среднее ожидаемое число детей у башкир составило 2,4 ребенка, тогда как у русских и татар этот показатель составил 2,1 ребенка. Но и в этом случае более высокие репродуктивные установки у башкир по всей видимости являются следствием того, что большинство из них являются выходцами из села (67%), в то время как 60% русских проживают в городе с рождения.

Уровень образования выступает в качестве важного социального фактора рождаемости. Если в социодемографических исследованиях, осуществленных на территории СССР, фиксировалась, как правило, обратная связь между уровнем образования и репродуктивными установками, то в настоящем исследовании уровень образования не оказывает дифференцирующего воздействия на ожидаемое и желаемое число детей. Более того, в группе с высшим образованием выявилось некоторое превышение желаемых чисел детей по сравнению с менее образованными группами (см. табл. 4). Это превышение, вероятно, объясняется влиянием группы молодых респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием, которая еще не вошла в репродуктивно активный возраст и не обладает значимой компетенцией в вопросах планирования семьи. Известно также, что для данной группы характерны завышенные и более идеалистичные представления о детности семьи, тогда как в возрастной категории от 22 до 45 лет прослеживается слабо выраженная обратная связь между уровнем образования и установками на количество детей.

Средние ожидаемое и желаемое число детей в семье в зависимости от образования респондентов

Уровень образования	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей
Нач./неполное среднее	2	1,95
Среднее ПТУ	2,0	2,1
Ср.-спец.	2,1	2,1
Незак. высшее	2,2	2,5
Высшее	1,9	2,6

В заключение диссертации подводятся итоги исследования и делаются следующие выводы:

1. Совершенствование статистических методов в процессе развития демографической науки позволило выявить качественные сдвиги в воспроизводстве населения, что, в свою очередь, обусловило необходимость его теоретической интерпретации. Однако, формально-демографический анализ не способствует раскрытию социальной сущности рождаемости, а ее экономическая и психологическая концепции также обнаруживают свою ограниченность. Указанные обстоятельства актуализируют интегрирующую функцию социологии, которая способствует познанию рождаемости как результата социального взаимодействия, в котором специфически преломляется действие биологических, демографических и экономических факторов.

2. Несмотря на то, что в рамках макродемографической теории было достигнуто понимание социально-экономической обусловленности демографических процессов, сам способ их взаимосвязи остался невыясненным. Малопродуктивным, в научном плане, представляется применение методологии, разработанной для изучения макродемографических процессов в раскрытии непосредственных детерминант поведения личности. В то же время, на микроуровне демографической теории имела место редукция репродуктивного поведения к его психологическим и экономическим основаниям. Применение социологического подхода к пониманию сущностных причин рождаемости и

репродуктивного поведения позволяет рассмотреть всю совокупность обуславливающих их факторов как системное, целостное образование.

3. Развитие понятийного аппарата социально-демографического направления предполагает уточнения дефиниции «социально-демографический процесс» и «социальный фактор репродуктивного поведения». Поскольку демографические процессы протекают не изолированно, подчиняясь неким имманентным законам саморазвития, а в контексте социальных отношений, то уточненное понятие социально-демографического процесса определяется как основанная на ценностно-нормативной системе совокупность однонаправленных и повторяющихся действий социальных субъектов, опосредующих наступление всех видов демографических событий. В свою очередь, признание ценностно-нормативной основы репродуктивного поведения обуславливает введение дефиниции «социального фактора» репродуктивного поведения как исторически изменчивой формы взаимодействия личности и общества, опосредующей рождение детей.

4. Признание поведенческой основы рождаемости определяет необходимость раскрытия социально-психологического механизма репродуктивного поведения и его обусловленности с социально-экономическими факторами. Потребность в детях нельзя рассматривать как чисто психический или биологический (инстинктивный) феномен, поскольку деятельность человека, независимо от своей направленности, регулируется психическими механизмами: удовлетворение органических потребностей обуславливает включение человека в различные формы социального взаимодействия, а его индивидуально психические качества определяются в социальном контексте. Сущность репродуктивного поведения как специфического результата социального взаимодействия раскрывается на уровне корреляции репродуктивных установок с социально-демографическими факторами (пол, возраст, брачное состояние), социально-экономическими факторами (доход, жилищная обеспеченность) и собственно социальными факторами (образование, национальная и социально-территориальная принадлежность).

Содержание работы раскрывается в следующих публикациях:

1. Булатов Р.А. К вопросу о социальных факторах рождаемости // Социология в меняющемся социуме: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Н.А.Аитова.- Уфа: УГАТУ, 2001.- С. 230-235.

2. Булатов Р.А., Андриющенко Я.В. Социально-демографические аспекты рождаемости сельского населения (на примере Республики Башкортостан) // Социально-трудовая сфера села: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции.- Пенза, МНИЦ ПГСХА, 2003.-С. 8-10.

3. Булатов Р.А., Андриющенко Я.В. Методологические основы управления воспроизводством населения // Современный менеджмент, модели совершенства, управление общественными процессами: Сборник докладов и тезисов научно-практического семинара (конференции). - Москва: АМИ, 2003. - С. 14-15.

4. Булатов Р.А. Молодая семья в ракурсе социально-демографических процессов // Благополучие молодой семьи: опыт, проблемы, перспективы: Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ГЦ ПМСС «Индиго», 2003. - С. 53-55.

5. Андриющенко Я.В., Булатов Р.А. К вопросу о связи материального положения молодых семей и рождаемости в них // Гуманитарное образование и наука в техническом вузе: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. Уфа: УГАТУ, 2004.-С. 243-245.

Булатов Руслан Азатович

**РОЖДАЕМОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Подписано в печать 21.02.05 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$

Бумага белая 80 г/м²

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. 1,63

Тираж 100 экз. Заказ № 525

ПД№ 7-0159 от 25.05.01 г.

Отпечатано в ООО «Виртуал» с готового оригинал-макета
450000, г. Уфа, ул. Ленина, 14/16

Тел. 51-04-27, тел./факс 51-11-71

1635

22 MAR 2005